

Ирина Палатченко

Погасшая свеча Антигоны

Ирина Палатченко

Погасшая свеча Антигоны

«Автор»

2026

Палатченко И.

Погасшая свеча Антигоны / И. Палатченко — «Автор», 2026

Дочь Эдипа, отвергнутая богами ещё до рождения, Антигона с детства знала: жизнь смертных — ничто для олимпийцев, а грехи отцов неумолимо падают на плечи детей. Годы скитаний со слепым отцом, его горькие уроки и холодная рука судьбы постепенно превратили её в ту, кто готова испить свою чашу до дна. Это история о долге и любви, о семье, которую невозможно перестать любить, даже когда она несёт в себе собственное проклятие. И о девушке, которая решилась встретить свою судьбу с открытыми глазами. «Погасшая свеча Антигоны» — пронзительная, мрачная и светлая трагедия о том, как последний отчаянный жест любви и верности способен стать единственным бессмертным подвигом смертного.

© Палатченко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпилог	5
Часть	6
I	7
II	8
III	9
IV	10
V	12
VI	15
VII	17
VIII	18
IX	20
X	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Палатченко

Погасшая свеча Антигоны

Эпилог

Мутные воды Стикса всегда спокойны. Темно-зеленые волны расходятся не по сторонам, а внутрь, стремясь достигнуть самого дна и рассеяться где-то там на глубине.

Река притягивает мириады душ к своим берегам. И стоят они, зачарованные, с пустыми глазами и отрешёнными лицами, держа монету в руках, пока перевозчик душ человеческих не посчитает их плату достаточной и не пригласит их на борт своей ветхой ладьи.

И немало тех, кого обходит он стороной, ведь не совершен над ними обряд погребальный. И не всегда в пустых руках дело, ибо не алчен Харон, но несут они на себе скверну, которая отравляет даже воды Стикса. Это чувствует он сразу, и стоять той душе вечно, пока плоть её не обратится прахом и не угаснет последняя искра, которую хранят живые. Лишь тогда позволяет ей Харон пройти к реке.

Но не к ладье своей допускает он душу ту, а в мутные воды бросает. И плывет душа там, пока не истончится вся и не рассыпется туманом, который уйдет потом вглубь новой волной вечно спокойной реки.

Помощники его зорки и бдительны. Подобно своему наставнику, строго и бесстрастно отбирают выстроившиеся на берегу души, безошибочно определяя тех, кого будут перевозить на другую сторону.

Они проходят мимо них, время от времени забирая монету из чьих-то рук, и пустые глаза на миг оживают, чтобы увидеть свой путь и снова погаснуть.

Полупрозрачная душа с мягкими чертами лица, с полуоткрытым ртом и длинными светлыми волосами, казалось, готова была пойти с одним из них.

Он чувствовал её свет, который искали они в первую очередь, ведь его так мало в царстве вечной скорби. И не нужно тогда никаких монет и обрядов, ведь свет надёжней всего даст право пройти на тот берег, откуда нет возврата.

— Рано, Звизменос, — товарищ потрепал его по плечу.

Он пристально смотрел на нее, запоминая, чтобы первым провести её через Стикс, когда придет время. Пройдя с десяток душ, Звизменос оглянулся, и прядь её волос заколыхалась от ветра, которого на этом берегу не существовало.

— Почему она здесь, если ещё жива? — спросил он у товарища.

Тот ответил, замедлив шаг:

— Потому что она умерла внутри.

Часть

I

I

— Больше света! — повитуха бросила рабыне пропитанный кровью лён, подхватила зажжённую свечу и поспешила к ложу.

Дрожащее пламя осветило покои царицы. Тени тяжело лежали между высоких колонн, курильницы струили горький дым мирры, а на белом камне пола алели тёмные пятна крови. За стенами дворца шумело дыхание ночи, и масляные светильники у изголовья Иокасты тревожно вздрагивали от сквозняка.

Сейчас просторные покои казались тесными от суеты. Факелы в бронзовых держателях вдоль стен давали достаточно света для живых, но не для того дела, которое требовало точности рук и острого глаза.

Царица рожала не впервые, и каждый раз боги испытывали её заново. Влажные от пота волосы прилипли к вискам, пальцы судорожно сжимали край покрывала, а рабыни, склонив головы, торопливо меняли воду и растирали её руки благовонным маслом.

Повитуха склонилась над постелью, разглядывая грубую пуповину, обвившуюся вокруг шеи ребенка ядовитым плющом. Она быстро рассекла её бронзовым ножом, и посиневшее дитя обмякло, освободившись от пут.

На миг в покоях стало слышно лишь тяжёлое дыхание Иокасты да потрескивание огня. И вот раздался громкий плач, возвестивший присутствующим о прибытии ещё одной души, вручённой миру богами. Служанки облегчённо перевели дух. Одна из них торопливо коснулась губами амулета на шее.

— Что ж ты так воспротивилась своему рождению? — негромко произнесла повитуха, качая ребёнка. — Не хотела входить в мир живых, а всё же будешь жить.

— Не ведаешь, что говоришь, — раздался позади властный голос.

Никто не слышал, как вошёл царь. Эдип стоял у входа в покои, высокий, тяжёлый в своих тёмных одеждах, и слуги расступились перед ним беззвучно, точно волны перед носом корабля.

Свет факелов ложился на его лицо резкими тенями, и взор его был устремлён не на жену, а на новорожденную. Повитуха передала ему дитя. Царь долго вглядывался в бескровное лицо девочки, словно пытался увидеть там нечто ведомое одним богам.

— Не против рождения боролась она, — произнес он. — Но против злой судьбы умереть, не успев родиться. И выжила. Пусть имя тебе будет Антигона.

Повитуха поджала губы. Иокаста устало повернула голову в его сторону. Напряжение на миг отпустило её измученное лицо, рябь слабой улыбки пробежала по нему и растаяла. Эдип подошёл к ложу и взял руку жены в свою. Она потянулась к нему.

— Боги даровали тебе дочь. Я принесу жертвы Гере, чтобы она даровала нам ещё детей.

Эдип кивнул и нежно коснулся губами её лба. Она родила ему двух сыновей, и ни разу не нарушала данного мужу слова. Он передал дитя в руки служанок, задержал взгляд на жене на мгновение и покинул покои, в то время как новорожденная продолжала плакать у него за спиной.

Внезапный порыв за окнами дворца с силой распахнул створки. Один из светильников у стены погас.

II

Закатное солнце косыми полосами ложилось на каменный пол гинекея, и пыль в его лучах казалась золотой золой. Иокаста велела рабыне принести ячменя и оливкового масла. Сегодня дом чтит Гестию, и дети стояли у алтаря вместе со взрослыми.

Мальчики пришли нехотя. Полинник в запыханном хитоне явно прибежал со двора, Этеокл примчался с деревянным мечом в руке, который мать заставила его оставить у порога. Девочки уже находились здесь: Антигона в светлом льняном пеплосе, заколотом на плечах медными фибулами, младшая сестра Исмена рядом, теребящая конец своего пояса.

Домашний алтарь Гестии находился в углу. Это был невысокий каменный выступ, потемневший от многолетнего масла и дыма, с небольшим углублением для огня. Рядом поставили два глиняных светильника с льняными фитилями, маленькую чашу с ячменём и узкогорлый лекиф с маслом.

Иокаста встала перед алтарём и подняла руки ладонями вверх, не отвлекаясь на соскользнувший с плеча тонкий край гиматия. Она произнесла имена олимпийской богини, потом плеснула масло в огонь. Пламя вспыхнуло, жирный белый дым потянулся вверх.

— Теперь вы, — сказала она мягко.

Полинник и Этеокл умели делать это сами. Они бросили зерно в огонь, прошептали имя богини, поклонились и отошли в сторону, время от времени поглядывая в сторону выхода.

Антигона внимательно повторила за матерью каждое движение. Зажала зёрна в обеих ладонях, зажмурилась и прошептала что-то. Потом разжала ладони и потянулась к светильнику, поднесла огонь к фитилю. Тот задымился, почернел и погас. Она попробовала ещё раз. Ничего.

— Дай я попробую, — шепнула Исмена, наклоняясь к ней.

Её светильник занялся сразу. Антигона наблюдала за огнём сестры стеклянными глазами и не двигалась.

В дверях появился Эдип. Он остановился, глядя на дочь.

— Никак? — спросил он негромко.

Она покачала головой, не оборачиваясь. Он подошёл, встал рядом, накрыл её руку своей, и вместе они поднесли огонь к фитилю. На этот раз всё получилось, и неровный свет ненадолго озарил их лица.

Антигона прижалась к отцу, его взгляд потеплел.

— Не всякий огонь загорается с первого прикосновения. Иногда боги так отмечают тех, кого любят.

Иокаста смотрела на это молча, потом погладила старшую дочь по голове и вернулась к алтарю.

III

Во дворе дворца было жарко от полуденного солнца. Свет до того нагрел каменные плиты, что рабыни натягивали полотняные навесы между колоннами, спасаясь от зноя. В мраморной чаше у стены лениво плескалась вода, и тонкие струи стекали по львиным мордам в узкий бассейн.

Здесь, на горячих каменных плитах, и разворачивалось то, что Полиник называл войной, Этеокл — учениями, а их воспитатель — позором для царского дома. Братья с самого утра носились по двору с деревянными копьями, оглашая дворец воинственными криками.

Служанки уже несколько раз грозились пожаловаться Иокасте. Мальчики едва не сбили одну из амфор, но на угрозы лишь смеялись в ответ и снова убегали под колоннаду. Вскоре два деревянных копья лежали в стороне, и братья катались по земле, сцепившись руками.

Антигона сидела на низкой каменной оgrade, наблюдая за ними из тени оливы. Рядом с ней Исмена плела венки из мелких белых цветов, время от времени недовольно отгоняя пчёл.

В этот момент во двор вошёл Креонт, о чём-то разговаривая с дворцовым стражем, за ним следовал Гемон. Он был немного старше Антигоны и нёс на согнутой руке деревянный щит, раскрашенный охрой. Мальчик придержал шаг, заметив царских детей, и отстал от отца.

— Полиник! — крикнул он. Тот тут же бросился к нему. Через миг трое мальчишек спорили о чём-то возле лестницы, размахивая руками и перебивая друг друга.

Гемон обернулся и заметил Антигону.

— А ты почему здесь одна?

— Я не одна.

— Я тебя не заметил, — Гемон повернулся к Исмене.

— Потому что замечаешь только то, что хочешь видеть, — не поднимая головы, ответила девочка.

— А брат твой где? — спросила Антигона.

— Как обычно, в храме.

С другого конца двора донёсся возмущённый крик Полиника. Этеокл снова бился слишком всерьёз. Исмена вздохнула и плотнее прижалась к стене, подальше от братьев.

Гемон фыркнул и подошёл к девочкам. Несколько мгновений он молча смотрел на Антигону, потом вдруг снял с шеи тонкий кожаный шнурок с маленьким бронзовым орлом.

— Держи. Теперь он твой.

Она вскинула голову.

— Почему ты отдаешь его мне?

Он пожал плечами, сам не зная ответа. Антигона осторожно взяла фигурку. Бронза успела нагреться на солнце и была горячей.

Во дворе раздался грохот. Полиник толкнул Этеокла плечом, и тот едва не упал в бассейн. Служанки всплеснули руками.

— Этеокл! — раздался сердитый женский голос из галереи. Мальчики тут же разбежались в разные стороны. Гемон рассмеялся, девочки тоже.

Ветер шевелил листья оливы над головой Антигоны, и узкие полосы света дрожали на её лице, то скрывая его под листвой, то вновь озаряя. Тени колонн растекались по камню двора, день клонился к вечеру.

IV

Садовая терраса дворца выходила на западную сторону. Дневная жара покидала камень, и тени кипарисов ложились длинными тёмными полосами на дорожки между гранатовых деревьев. Перила были тёплыми от дневного зноя, плети дикого винограда свисали с решётки, и между ними просвечивало наливающееся золотом небо. От крон садовых деревьев тянуло влагой от недавнего полива.

Антигона сидела на низкой мраморной скамье у стены сада. На ней был легкий пеплос с тонкой синей каймой по краю, а светлые волосы были собраны лентой, хотя несколько прядей всё равно выбились у висков. На левом запястье виднелся тонкий кожаный ремешок с бронзовым орлом, давно потемневшим и стёршимся с одного бока. Она перебирала в руках веточку розмарина, задумчиво проводя пальцами по узким листьям.

Гемон устроился напротив на широком камне у бассейна. Он пришёл сюда после упражнений со стражниками. Лёгкий хитон подпоясан небрежно, на загорелых руках осталась пыль палестры, а возле ног лежала небольшая кифара. За прошедшие годы он вытянулся, стал угловатым и по-юношески нескладным.

Из дворца доносились приглушённые голоса. Где-то во дворе снова спорили Полинник и Этеокл, и даже отсюда иногда можно было различить резкие выкрики.

— Они когда-нибудь бывают в мире? — спросил Гемон, прислушавшись.

Антигона улыбнулась.

— Когда Гипнос смыкает им веки.

Юноша рассмеялся и взял кифару. Несколько мгновений пальцы его лениво перебирали струны, затем негромкий звук растёкся по вечернему саду. Мелодия была несложной: несколько повторяющихся созвучий, восходящих и снова опускающихся вниз, но в ней было что-то, отчего хотелось замереть.

Антигона подняла голову.

— Это она?

Гемон кивнул.

— Мать часто пела её мне в детстве.

Пальцы легли на струны, и он запел негромко. Голос его ещё хранил юношескую ломкость, но звук вышел чистым:

*«...И шёл Орфей сквозь царство мёртвых, где не цветут деревья земли,
и даже воды чёрного Стикса смолкали перед его скорбью...»*

*...Но оглянулся певец на ту, что шла за ним следом из тьмы,
и снова закрылись врата Аида, оставив его одного среди живых ...»*

Зашумели вершины кипарисов над их головами, где-то в траве застрекотали цикады. Последняя струна отзвучала и затихла. Гемон поднял глаза на девушку.

— Мать говорит, что это самая великая любовь из всех, о которых помнят люди.

Антигона покачала головой.

— Орфей не должен был идти за ней.

Его брови поднялись.

— Почему?

Она посмотрела на темнеющую воду позади него.

— Эвридика обрела покой среди мёртвых. А он хотел вернуть её обратно.

Гемон нахмурился.

— Но он любил её.

— Да. И именно поэтому не надо было идти.

Ветер качнул пламя светильника у входа в сад. Антигона подняла голову.

— И зря он обернулся назад, — добавила она. — Если уж боги позволили ему увести её, он должен был идти до конца и не сомневаться.

Гемон долго смотрел на девушку. Закатный свет лежал на её лице неровно, половину скрывала тень от виноградных листьев. Он снова тронул струны одну за одной, не складывая мелодии.

— А ты вступила бы в царство мёртвых ради другого? — спросил он.

Антигона не ответила сразу. Где-то внизу, в саду, окликнули слугу, и голос растворился в вечернем воздухе.

— Ради тебя? — спросила она.

— Ради того, кто тебе дорог.

Она опустила взгляд на бронзового орла на запястье. Бок его, стёртый временем, уже не блестел.

— Да, — сказала она. — Но не стала бы возвращать.

Гемон кивнул. Он снова нашёл начало той же мелодии и сыграл её до конца, будто забыв, что рядом кто-то есть. Виноградные листья слабо качнулись, и полоса света на лице Антигоны дрогнула и погасла.

Сумерки сгущались над садом. Из дворцовых покоев доносился запах мирры, где-то вдали шумел вечерний город. Над Фивами один за другим зажигались хрупкие огни.

V

Царский зал был полон света и голосов.

Факелы горели в высоких бронзовых держателях вдоль стен, и свет их дрожал на расписных кратерах, на золочёных краях чаш, на праздничных одеждах гостей. Столы были уставлены различными блюдами: жареная баранина с травами, рыба в оливковом масле, сыр, мёд, лепёшки с кунжутом, корзины с виноградом и смоквами.

На длинных ложах возле низких столов расположились знатные граждане Фив. Рабы разносили смешанное с водой вино из больших кратеров, наполняли кубки, подносили блюда. Сегодня во дворце праздновали радостное событие.

Эдип сидел на троне во главе стола в тёмном гиматии с пурпурной каймой, и выглядел довольным. Рядом Иокаста в светло-голубом пеплосе, с золотыми серьгами, улыбалась чему-то. Ниже расположились их дети. Полиник и Этеокл почти сравнялись ростом с отцом. Исмена и Антигона сидели рядом. На запястье Антигоны поблёскивал бронзовый орел.

По правую руку от царя сидел Креонт, прямой, как всегда, но сегодня без обычной своей строгости. Жена его Эвридика держала его под руку. По другую сторону от неё сидел младший Менойкей, что-то шептал матери на ухо, и она смеялась. Дальше расположился Гемон в новом гиматии шафранового цвета, края которого украшала золотая кайма двойного меандра.

Эдип поднял кубок.

— Сегодня я хочу объявить решение, которое укрепит дружбу двух домов и принесёт пользу Фивам. Я заключил договор с Креонтом, другом моим. Сын его Гемон возьмёт в жёны дочь мою Антигону, когда придёт им брачный возраст. Да благословят боги этот союз!

Зал ответил радостными криками. Гости подняли чаши. Кто-то ударил в ладони, и рабы тут же подхватили знак и разлили вино по кругу. Кубки поднялись над столами.

— Во славу будущих супругов!

— Да благословят их боги!

— Счастья дому Эдипа!

— Счастья дому Креонта!

Антигона опустила голову.

— У тебя уши красные, — шепнула Исмена, придвинувшись к ней.

— Нет.

— Очень даже да. И щёки тоже.

Исмена засмеялась и взяла виноградину с блюда. Антигона отвернулась, но улыбку скрыть не смогла.

Неподалёку Полиник что-то горячо доказывал Этеоклу.

— Потому что колесницы нужно ставить на возвышенности.

— Ты не прав.

— Я всегда прав, — ответил Полиник.

— Тогда почему все военачальники делают иначе?

Спор становился всё громче. Иокаста бросила на сыновей выразительный взгляд. Оба мгновенно умолкли. Эдип наблюдал за ними с тем выражением, с которым смотрят отцы, давно привыкшие к подобным разговорам за своим столом.

— Вот уж чего не даровали мне боги, так это мира за собственным столом, — произнёс он.

Креонт рассмеялся. Полиник потянулся к блюду с рыбой, Этеокл демонстративно отвернулся, и оба сделали вид, что разговора не было.

В центр зала вышел юноша с кифарой. Он был молод, почти ровесник Полинику, но держался уверенно. Он встал там, где свет факелов падал ровнее всего, и зал постепенно притих.

Торжественная мелодия неспешно поднялась над столами. Юноша запел.

Он пел о времени, когда Фивы были охвачены страхом. О чудовище, поселившемся у скал возле города. О существе с женским лицом, львиным телом, могучими когтями и крыльями хищной птицы.

Он пел о том, как чудовище задавало путникам загадку. Как тех, кто не находил ответа, ожидала смерть. Как жители Фив теряли сыновей и братьев. И как однажды появился молодой человек без войска и без оружия, но с умом и бесстрашием.

Он встал перед сфинксом, и тот задал ему загадку голосом, похожим на голос женщины, и когти его уже приготовились опуститься.

— Кто ходит утром на четырёх ногах, днём на двух, а вечером на трёх?

И юноша пел, как странник не отступил.

— Это человек. Когда он мал — это утро жизни его, слаб он и ползёт на четвереньках. В зрелости — его полдень, и ходит он на двух ногах. В старости же — вечер его, берёт он посох, третью ногу, и так идёт до конца. Услышав верный ответ, сфинкс взмахнул крыльями и бросился со скалы в море.

На последних аккордах одна из струн кифары неожиданно лопнула. Гости рассмеялись, но юноша ударил по оставшимся струнам громче, и голос его поднялся:

— Слава Эдипу! Слава мудрому царю Фив! Слава тому, кто избавил нас от чудовища!

Гости подхватили громко, с грохотом чаш о столы, с криками, со смехом. Эдип принял славословия с достоинством, поднял руку в ответ. Иокаста улыбнулась и накрыла его руку своей.

Антигона хлопала вместе со всеми и думала о том, что эту балладу она слышала много раз от нянек, от служанок, от уличных певцов. Но здесь, в зале рядом с отцом эта история ожила.

Пир пошёл дальше своим чередом. Разговоры стали громче, вино разливали чаще. Менойкей что-то рассказывал Исмене и её братьям, и они смеялись. Гемон беседовал с кем-то из старших гостей.

Антигона встала, чтобы взять что-то со стола у стены, и обратила внимание на пожилого человека в простом тёмном гиматии, который сидел в конце стола, в стороне от общего шума. Он осторожно нашаривал рукой кубок на столе.

Антигона даже не успела подумать, просто взяла кубок и вложила ему в руку. Старик замер, потом повернул к ней своё незрячее лицо с опущенными веками.

— Благодарю, дитя. Не ты ли дочь Эдипа?

— Да. Антигона.

Тиресий отпил вина. В зале кто-то снова запел, и голоса подхватили. Старик повернул голову на звук, прислушиваясь.

Антигона не выдержала:

— Старец... ты знаешь волю богов. Скажи, благоволят ли они этому союзу?

Тиресий задумался. Звуки праздника доносились до них словно издалека.

— Во всяком союзе есть радость, — произнёс он. — И есть скорбь. Мойры отмеряют всего, но не всем поровну.

— И куда же клонится моя чаша? — спросила Антигона.

Старец усмехнулся.

— Слеп я. Не разглядеть мне чашу эту.

Он поднялся со своего места.

—

Не ищи того дня, дитя, который ещё не настал.

Антигона подала посох, стоявший у стены. Она подставила руку, и старец оперся на неё легко и привычно.

Вместе они направились к выходу из зала. Позади звучала музыка, гости смеялись, пели песни, поднимали кубки за счастье молодых. А за высокими окнами дворца сгущались первые вечерние тени.

VI

Женщинам и детям не позволялось присутствовать в царском зале, когда Эдип принимал старейшин города, но на этот раз порядок изменился. Антигона знала о бедствии, поразившем Фивы. Она видела граждан, молящихся у храмов, чувствовала дым погребальных костров и слышала непрекращающиеся крики плакальщиц на улицах.

Зал был полон. Высокие бронзовые чаши с огнём стояли вдоль колонн, но их свет был тусклым в огромном полутёмном пространстве, и лица людей в нем казались высеченными из камня. Сквозь приоткрытые двери тянуло дымом, пылью и чем-то сладковато-гнилым, от чего рабыни прикрывали лица краем покрывал.

Антигона стояла у подножия трона рядом с Исменой. Сегодня царь сам велел жене и детям остаться в зале и слушать всё, что будет сказано. Полиник и Этеокл, непривычно спокойные, стояли по другую сторону трона, время от времени переглядываясь между собой.

Перед Эдипом теснились старейшины Фив, жрецы и хранители городских законов. Многие пришли прямо с улиц, в дорожной пыли, с осунувшимися лицами и воспалёнными от бессонницы глазами.

Перед троном стоял пожилой глашатай с запавшими щеками, в одежде, не менявшейся, судя по виду, несколько дней. Он говорил ровно и бесстрастно.

— Нет дома в нижнем городе, где не оплакивают мёртвого. Тела лежат на улицах, ибо некому их убирать. Те, кто убирал вчера, сами лежат сегодня. Дети умирают прежде отцов, матери прежде детей. В стадах мор такой же, как среди людей.

По залу прошёл тяжёлый шёпот. Исмена тихо втянула воздух рядом с Антигоной.

Один из старейшин, мужчина с белой бородой и руками, огрубевшими от давних трудов, шагнул вперёд.

— Поля стоят пустыми. Зерно гниёт ещё в земле. Храмы переполнены, Мы приносили всё, что могли: зерно, масло, ягнят. Но дым поднимается к небу и остается без ответа. Фивы гибнут. Однажды ты спас нас, спаси же и теперь.

В зале стало слышно потрескивание огня в бронзовых чашах. Эдип сидел неподвижно, опираясь рукой о подлокотник трона. Тень от пламени делала его очертания старше и жёстче.

— Я знаю о вашем горе, — произнёс он. — И скажу вам: нет среди вас никого, кто болел бы душой сильнее, чем я. Ваша скорбь — моя скорбь, ваши мёртвые — мои мёртвые.

Голос его звучал спокойно, но Антигона заметила, как напряглись пальцы отца. Он кивнул в сторону Креонта, стоявшего у правого края трона.

— Отправляйся в Дельфы. Вопросы Аполлона, какой вины не простили боги Фивам и чем можно отвратить гибель от нашего дома.

Креонт склонил голову.

За дверями зала внезапно послышался женский плач. Кто-то из рабов быстро закрыл створки, но звук всё равно успел проникнуть внутрь, короткий, надломленный, похожий на стон раненой лани.

Антигона нашла руку Исмены и крепко сжала её.

Позже они сидели на ступенях двора, где стужались сумерки. Дворец казался непривычно тихим, будто и стены, и колонны, и сам камень под ногами притаились и прислушивались.

Полиник и Этеокл сидели плечом к плечу и переговаривались между собой приглушённым шёпотом, забыв на время свои вечные споры.

Исмена сидела рядом с Антигоной, обхватив колени руками. Гемон стоял у колонны напротив, ветер колыхал край его тёмного гиматия. Никто не торопился уходить, хотя никто не призывал и оставаться.

— Отец уезжает на рассвете, — сказал Гемон. — Да смилостивятся над нами боги.

— Почему они ничего не делают? — вдруг спросила Исмена. — Разве люди недостаточно молятся?

Никто не ответил. Из глубины дворца донёлся глухой звук закрывающихся дверей.

— Смертным не понять воли богов, — заговорил Полиник. — Наш долг – приносить жертвы. Не нам призывать к ответу, только ждать.

— Ждать, пока город вымрет? — Этеокл отвернулся от брата, и голос его был острым. — Почему отец не попросит помощи у Афин? Я слышал, что их царь любимец богов, с таким союзником боги скорее услышат.

— Отец знает, что делает, — резко оборвал его Полиник.

Этеокл крепко сжал губы. Некоторое время никто не говорил. Где-то в дальних покоях дворца прошли со светильником, тень скользнула по колоннаде и пропала. Исмена вздрогнула и плотнее закуталась в покрывало.

— Может, мы чем-то прогневали их, — произнёс Гемон, не отрываясь от каменной плиты под ногами.

Антигона посмотрела на него и на братьев.

— Или они так отмечают нас. Внимание богов не дается легко.

Эти слова упали тяжёлым камнем, и молчание вновь сомкнулось над ними. В небе над дворцом проступали бледные звёзды. Где-то далеко снова послышался протяжный плач, который не затихал до утра.

VII

Антигона стояла у входа в храм. Она ощутила высокий каменный порог под босыми ногами и безмолвие, такое глубокое, что собственное дыхание казалось лишним. Храм был пуст. Длинные ряды колонн уходили в полумрак, а где-то впереди, у самого алтаря, теплился слабый огонь.

Антигона несла в руках маленькую свечу. Пламя дрожало от каждого её шага, грозя погаснуть, и она шла медленно, стараясь закрыть его ладонью от невидимого ветра. Но когда она ступила дальше, каменный пол под ногами покачнулся. По белым плитам побежали тёмные разводы.

Антигона остановилась. Камень стал исчезать под черной водой. Она растекалась по храму без единого звука, скрывая под собой ступени, основание колонн, следы копоти у алтаря. Очень скоро от пола не осталось ничего, только вода.

Тёмная поверхность мягко прогнулась под её ногами, точно живая, но удержала её. Тогда она снова пошла вперед, сжимая свечу в руках. Каждый шаг отдавался по воде слабым кругом, расходившимся в стороны и гаснувшим прежде, чем достигнуть стен.

Сначала ей казалось, что под поверхностью движутся тени. Потом они начали принимать очертания лиц. Они проступали из глубины одно за другим. Мужчины. Женщины. Старики. Дети. Живые лица с открытыми глазами. Они смотрели вверх сквозь воду, и вода не мешала им дышать, и они не звали на помощь, а просто смотрели.

Их становилось больше с каждым шагом. Сначала несколько, потом десятки, потом она перестала считать. Лица незнакомые, лица, которые она, казалось, где-то видела, лица, которых она не знала, но которые знали её.

Они теснились под её ногами так близко, что казалось, вода не выдержит их. И вдруг среди них она увидела знакомый лик. Антигона опустилась на колени, протянула руку к воде и коснулась пальцами поверхности.

Лицо отпрянуло, плавно, неотвратно, как уходит отражение, спугнутое рябью. Тёмная вода сомкнулась над чужими глазами, скрыла рот, волосы, и знакомые черты исчезли в глубине.

Антигона потянулась к другому лицу. Тогда они стали уходить вниз, одно за другим. Каждый раз, когда она пыталась коснуться кого-то, вода утягивала человека прочь от неё, всё дальше, всё глубже, туда, где нельзя было различить ни глаз, ни рук, ни даже самих очертаний тела.

И когда все они погрузились в пучину, свеча в её руках зашипела и храм исчез во мраке.

Антигона проснулась. За окнами начинался рассвет. Бледный свет лежал на стенах покоев, а где-то далеко, за пределами дворца, слышался протяжный плач.

VIII

Креонт вернулся в Фивы на третий день.

Антигона увидела его из верхней галереи. Пыльный с дороги, он поднимался по ступеням дворца, не останавливаясь ни на приветствия слуг, ни на поклоны стражников. Он казался темнее и суше обычного, а возле глаз залегли глубокие тени. Следом за ним шел его слуга, державший в руках лавровую ветвь Аполлона из Дельф.

— Как думаешь, боги ответили? — спросила Исмена, встав рядом.

— Идём, — Антигона резко повернулась.

— Куда?

— В восточную галерею. Оттуда слышно всё, что говорят в приёмном зале, если встать у второй колонны.

Исмена посмотрела на неё.

— Нас не должно там быть.

— В зале. А мы будем в галерее.

Она взяла сестру за руку.

— Разве не страшнее слепо идти навстречу судьбе?

Из глубины дворца донёсся приглушённый звук голосов. Антигона поспешила к лестнице. Исмена выдохнула и последовала за сестрой.

В галерее было прохладно и сумрачно. Они остановились возле узкого прохода за второй колонной царского зала, скрытые тяжёлой тканью занавеси. Отсюда было видно часть помещения и отблески огня на бронзовых чашах. Голоса звучали отчетливо.

— Аполлон открыл свою волю: скверна, поселившаяся в городе, должна быть изгнана.

— Назови имя, — повелел Эдип.

— Фивы осквернены пролитой кровью царя Лая. Бог требует изгнать убийцу или предать его смерти. Только тогда бедствие оставит город.

Исмена вздрогнула рядом с сестрой. Антигона не пошевелилась. Некоторое время слышалось лишь потрескивание огня. Потом заговорил отец.

— Убийца будет найден, где бы ни скрывался виновный. Даже если он живёт под моей крышей. Даже если это человек, близкий мне. Я клянусь в этом перед богами и перед городом.

Слова упали тяжело и глухо. Антигоне вдруг стало холодно. Креонт заговорил вновь.

— Лай был убит в пути. Все его спутники мертвы, кроме одного раба, который бежал и с тех пор не возвращался в Фивы. Есть один человек, кто может открыть истину. Старец Тиресий.

— Слепой видит больше зрячих, — согласился Эдип. — Если кто и знает волю богов, то это он.

Короткое молчание.

— Сзовите народ на собрание. И приведите Тиресия.

За колоннами послышались шаги. Антигона быстро потянула сестру назад, и обе скрылись в полумраке перехода.

Когда они вернулись в гинекей, Иокаста сидела у окна среди служанок. Пахло шерстью и розовым маслом. Пальцы её держали веретено, но нить не тянулась, и внимание было направлено не на работу и не в окно, а куда-то между ними.

Рабыни двигались бесшумно, как всегда двигались в покоях царицы, когда та бывала вот такой, присутствующей телом и отсутствующей всем остальным. Она обернулась к дочерям.

— Мы были во дворце, — сказала Исмена.

— Ты слышала, что Креонт вернулся? — осторожно спросила Антигона.

Иокаста кивнула.

— Что ты знаешь о царе Лае?

Пальцы Иокасты крепче сжали веретено.

— Лай умер давно, — произнесла она холодно. — Мёртвых не следует тревожить понапрасну.

Антигона не отвела взгляда.

— Но если его смерть навлекла бедствие на Фивы...

— Довольно.

Иокаста оборвала её усталым движением руки и прикрыла глаза, давая понять, что разговор окончен. Исмена тронула Антигону за локоть и покачала головой. Они сели в стороне, и принялись за работу.

— Всё, что нужно знать, скажут на собрании, — шепнула ей Исмена.

Антигона смотрела на мать. Иокаста не поднимала головы. Она сосредоточилась на шерсти в руках и начала плести нить.

За окном гинекея тянулся дым погребальных костров. Город горел своими маленькими огнями, и конца им не было видно.

IX

Площадь перед дворцом переполнилась. Люди теснились у колонн, вдоль стен, на ступенях у входа, осунувшиеся, в пыли, с застывшим ожиданием в глазах. В воздухе стоял тяжёлый запах масла, дыма и страха.

Антигона находилась с сестрой и братьями на возвышении у колонн. Отсюда было видно всё. Люди стояли молча, плечом к плечу, и молчание их было пропитано усталостью от непрекращающихся бедствий.

В толпе прошло движение, и люди расступились. Тиресия вел под руку молодой юноша. Старец шёл, опираясь на посох, незрячие очи его были устремлены вперед, куда-то поверх голов. Он был так стар, что казался частью чего-то древнего, что было прежде города, прежде стен его и имён.

Эдип поднялся ему навстречу.

— Тиресий, ты знаешь многое, — произнёс он. — Ты видишь то, что скрыто от смертных. Фивы гибнут. Только ты можешь указать путь к спасению. Скажи же, кто осквернил землю кровью Лая.

Тиресий стоял недвижимо и долгое время безмолвствовал, и незрячие очи его были обращены прямо к царю.

— О, позволь мне уйти домой, — вымолвил он. — Нам обоим будет легче нести то бремя, которое возложила на нас судьба.

В толпе пробежал тревожный шёпот. Эдип нахмурился.

— Неужели, зная истину, ты скроешь её?

Тиресий покачал головой.

— Страшно знание, если оно не приносит спасения.

Голос Эдипа стал жёстче.

— Презренный! Ты отказываешься говорить? Своим упрямством ты способен разгневать даже камень!

Тиресий повернулся к нему, опираясь обеими руками на посох.

— Ты сам, Эдип, осквернил этот город.

Кто-то в толпе вскрикнул. Эдипа не в силах был оторваться от старца.

— Ты сам тот убийца, которого ищешь, — продолжал Тиресий. — Не ведая того, ты совершил страшнейшее из преступлений. Ты пролил кровь отца и разделил ложе с той, кто каждому человеку дороже всех — с собственной матерью.

Ветер затих, и даже дым над курильницами замер. Сама земля застыла от этих слов. Имена резко поднесла ладони к лицу, но остановилась на полпути и скрестила руки на груди.

Антигона не шелохнулась. Губы её приоткрылись, взгляд метался между отцом и слепым прорицателем.

Полиник шагнул вперёд. Черты его вспыхнули гневом, пальцы сжались так сильно, что побелели костяшки.

Этеокл же не двинулся с места. Он смотрел на Тиресия, внимая каждому слову и тому, что стояло за ними и было страшнее самих обвинений. Кровь отхлынула от его лица.

— Ты смеешь обвинять меня? — прогремел голос Эдипа. — Ты, слепой старик, осмеливаешься говорить подобное своему царю?

Тиресий слушал спокойно.

— Не я твой враг, Эдип.

— Это Креонт внушил тебе эти слова! — гневно воскликнул царь. — Он хочет моего трона!

По толпе прокатился испуганный ропот. Креонт резко поднял голову, но промолчал. Тиресий крепко сжал посох.

— Ты зряч, Эдип, но не видишь правды. Ты сам свой враг и враг своей семьи.

Полиник качнулся вперёд, кулаки сжались, желваки на скулах обозначились резко, и в глазах неистовствовал огонь.

Лицо царя исказилось от ярости.

— Берегись, старик.

Но прорицатель не слушал угроз. Голос его звучал глухо и тяжело.

— Убийца здесь, передо мной. Хоть и пришёл он в Фивы как чужеземец, но рожден был в этой земле. И постигнет его злой рок — из зрячего станет слепым, из богача — бедняком. Он уйдёт из Фив в изгнание, потеряв всё.

Люди взирали на Тиресия с ужасом. Все в Фивах знали: ложь никогда не касалась уст старого прорицателя. И только огонь в бронзовых чашах продолжал дрожать вдоль стен, будто воздух дворца содрогнулся от сказанных слов.

Х

Гинекей встретил Эдипа тишиной. Свильники догорели до половины. Антигона сидела с Исменой у стены, обе делали вид, что заняты работой. Рабыни поспешно поднялись, но царь даже не взглянул на них.

Иокаста подняла голову, ожидая, что муж заговорит первым. Тяжёлым движением он сбросил с плеч темный плащ и остановился посреди покоев. Он выглядел мрачным и утомлённым.

— Тиресий обезумел, — произнёс он. — Или Креонт отравил его разум. Он желает занять мое место. Он подслал старика, вложил ему в уста эти слова. Ты знаешь Креонта лучше меня, он твой родственник. Скажи мне, что он способен на это.

Иокаста безмолвствовала. Эдип шагнул к ней.

— Скажи мне, как погиб Лай.

Рабыни у стен испуганно опустили головы. Антигона почувствовала, как пальцы её сами собой сжались в складках пеплоса. Иокаста не изменилась в лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.